

Экспертные оценки жюри

Экспертная оценка К.В. Ратникова

Подборка № 1. Константин Алмазов

«А может быть, зеркало смотрит в тебя...» (8 баллов)

«Допустим, ты тоже как будто бы умер...» (7 баллов)

«То ли холм...» (6 баллов)

«Последняя нечисть ушла в астрАл...» (5 баллов)

Диптих: 1. «Звезда словно маятник...» (3 балла); 2. «Если слышите голос...» (3 балла)

Подборка № 2. Анонимная сочинительница

Мое время. (9 баллов)

«Здесь ещё есть люди, здесь до сих пор живут!...» (7 баллов)

«Камни, обвалы, озеро, лес сосновый...» (9 баллов)

7.01.12. Помнишь? (6 баллов)

Подборка № 3. Еще одна анонимная сочинительница

«Пустынных улиц ожиданье...» (6 баллов)

Где найти мне такое средство... (5 баллов)

Камни в горле (3 балла)

Джолли Роджер (3 балла)

Молодым поэтам (3 балла)

Подборка № 4. Юлия Бурдина

«Я устала от глупых вопросов...» (5 баллов)

«Давай, взглянем правде в глаза?...» (3 балла)

«Бывает, что музыка...» (2 балла)

«Восемь утра. Субботнее утро...» (6 баллов)

«Я бы набила твои стихи себе на спину...» (2 балла)

«Осень окаменелой поступью отбивает мне сотенные шаги...» (2 балла)

«День Всех Влюбленных – это всего лишь 23 дня до нашей встречи...» (2 балла)

«Он приходит, и она становится невыносимо дерзкой...» (3 балла)

«Когда кто-то из ее знакомых собирал вещи...» (7 баллов)

Краткие отзывы о лучших (относительно) текстах из каждой подборки.

Подборка № 1. Константин Алмазов как будто нарочно сам расположил свои стихотворения в порядке уменьшения их качества. Заслуживают внимания первые два текста: они демонстрируют хорошую степень владения версификацией, приемами художественной выразительности, однако второе стихотворение чересчур отягощено

гиперметафоричностью в манере Виталия Кальпиди – поэта сильного, но отнюдь не образцового.

Подборка № 2. Разумеется, микрорассказ «Голод», благодаря своей гуманистической тематике и пронзительному лиризму, на порядок лучше остальных частей этого медитативного эссе (в прозе). А стихотворение «Камни, обвалы, озеро, лес сосновый...» – пример настоящей поэзии, свободно владеющей навыками русской стихотворной классики, но, к счастью, не замыкающейся в их рамках. Это лучшее стихотворение из всех конкурсных текстов.

Подборка № 3. Беда автора – подражательность, пусть даже не одному образцу, а сразу многим; однако сквозь заимствованную чужую манеру не пробивается индивидуальный голос анонимной сочинительницы.

Подборка № 4. Здесь говорить не о чем. Возможно, Юлия Бурдина воспринимает свои рифмованные тексты как словесную основу музыкальных ритмов, но, увы, на бумажном листе никакая музыка не слышна. Единственное (правда, весьма яркое) исключение – стихотворение «Когда кто-то из ее знакомых собирал вещи...», в котором чувствуется неподдельная поэтическая одушевленность. Наверное, отнюдь не случайно именно этим текстом, как наиболее удачным, завершается подборка. Кстати, автору намного лучше удается более простая – прозаическая – речь, поэтому ее лирический этюд в прозе «Восемь утра. Субботнее утро...» заслужил оценку выше среднего.

Подборка № 5. Замысел, конечно остроумен, но исполнение показалось скучноватым, поскольку изложение чуточку растянуто. Компактность текста в данном случае способствовала бы более емкому и четкому впечатлению.

Экспертная оценка работ А.С. Полушкина литературного конкурса

Работа № 1.

3 стихотворения. Оценка – 10 баллов

Все три стихотворения можно отнести к категории философской лирики, поскольку в них ставятся смысло-жизненные вопросы соотношения реальности и сна, жизни и смерти, свободы и зависимости. Творческая манера автора несет на себе отчетливый отпечаток символизма, с его мистическим колоритом и поиском неких универсалий за узнаваемыми, но преображенными образами. Отсюда некоторая «штампованность», в особенности в последнем стихотворении: «И ты между строк вдруг увидишь знакомого всадника и сверкнёт лунный диск серебром», «На палубе ждут звездочёт, адмирал, поэт и его невеста» и др. Узнаваемы для символистской поэзии образы магического цветка («А может быть, смерть никакой не итог, а только лишь тишина, в которой фиалки огромный цветок роняет в огонь семена?»), роковой игры с высшими силами («Будто князь проиграл мне немую игру и ушёл лабиринтами узкими. И мы снова стоим на холодном ветру и словами бросаемся русскими»). В то же время в

совокупности эти образы складываются в причудливую картину, отмеченную оригинальностью художественной манеры и плотностью стиля.

В классических для современной русской поэзии метрах и ритмах, рифмах и строфике (со смещением логического конца строки) автор воплощает многомерную картину загадочной полуреальности – полусна, оставляющей пространство для размышления и интерпретаций. С художественной точки зрения, представленные стихотворения демонстрируют неплохой уровень поэтического мастерства, хотя и без авангардистских новаций – акцент с формальной стороны смещается на содержательную, и в этом секрет притягательности этих трех стихотворений. Автор почти не позволяет себе банальных рифм, а неточная рифмовка зачастую оказывается «свежей» и небанальной («сказал / назад», «умер / сумерки», «и / твоим»). Правда иногда возникает ощущение, что некоторые слова, выражения и целые фразы автор вставляет стихотворение лишь для того, чтобы «заткнуть дыры» в ритме и завершить рифму: «А может, не ты говоришь языком, а он говорит тобой, опять оставляя тебя под замком слушать *ночной прибой?*», «А может быть, смерть никакой не итог, а только лишь тишина, в которой фиалки огромный цветок роняет в огонь семена?», «То ли я перестал быть песчинкой в мирах непонятого воображения», «и мы все остаёмся всего лишь людьми, со своими стихами коронными», «Маяк замигал вдалеке, в реке звёзды опять отразились. Кто-то уснул в своём гамаке... Я хочу, чтоб его разбудили!» Поэтический смысл этих «балластных» фраз туманен и не всегда уместен. Кроме всего прочего, есть проблема с концовкой стихотворения, которая смазывает впечатление от всего текста: так происходит в стихотворении №1 и в стихотворении № 3.

Однако в целом подобные недочеты не фатальны и не портят атмосферы данных текстов, каждый из которых имеет свою философско-поэтическую «фишку». В первом стихотворении это мотив внезапной трансформации бытия, когда вдруг все меняется местами (человек и его отражение в зеркале, звуки сюит и хриплый грай ворон, речь и бессмысленное молчание). Во втором стихотворении – это иронически-меланхоличное прочтение темы «смерть поэта»: лирический герой не может умереть, пока не «допишет стишок» (в контексте иронического модуса в этом стихотворении вполне уместным выглядит даже обыгрывание идиомы «крокодиловы слезы»: «Пробел западёт, как и всё остальное на клавиатуре, с которой вводил ты на монитор нечто столь неземное, что на небесах слёзы лил крокодил бы, если бы он там когда-нибудь жил»). В третьем стихотворении – это идея зыбкости границы между реальным и нереальным, между определенностью и сомнениями, между ночью и утром, между жизнью и смертью: «То ли холм, то ли холст, то ли звёздная ночь, то ли утро горит над полянами. То ли я, то ли ты не выносишь стихов, мы шатаясь, идём, будто пьяные». Каждое стихотворение дает повод к размышлению на извечные темы, и это отрадно, поскольку в повседневности слишком много суеты, так что хочется иногда замереть и вслушаться в пустоту бытия, как это делает автор.

Работа № 2.

Цикл из трех эссе «Мое время» («Немного о вечном», «Формула одиночества», «Голод») и три стихотворения. Оценка – 10 баллов.

Сложно оценивать одновременно и прозу и поэзию, хотя сам автор значительно облегчил задачу: цикл из трех эссе «Мое время» – это не проза в строгом смысле слова, это скорее лирическая проза, которой присущ лирический сюжет, высокая эмоциональность, «рваный» синтаксис с парцелляцией, принципиальная дискретность, фрагментарность конструкций, повторы различного типа («те, кто ещё жив, и дай бог, будет жить», «семья теперь не держит и не держится») метафоры («мысли на завтрак», которые «не дано исключить из рациона»), словесные игры («по-граммно, программно») и т.п. Все три текста объединены общими мотивами (мотив одиночества, отчуждения, распада цельности, равнодушия и др.) и рефреном «мое время», что позволяет

рассматривать цикл как «триптих», где каждая часть и автономна и в то же время инкорпорирована в единое целое, сцементированное общим эмоциональным модусом и внутренней логикой развития идеи: от темы поэта-одиночки, через тему семьи к теме нищеты и голода. В то же время, при всей лиричности, цикл обладает высоким публицистическим «зарядом»: в каждом из текстов ставятся социальные вопросы (в особенности, во втором и третьем), «спаянные» воедино с философскими, смысложизненными проблемами, приводятся наглядные примеры из окружающей актуальной действительности. Это выводит цикл за рамки собственно литературы и осложняет процесс художественного восприятия текстов, особенно при сопоставлении с лирикой. Более того, публицистичность зачастую «портит» художественность текста. Но это исключительно субъективное мнение рецензента, не претендующее на абсолютную правоту.

Тем не менее цикл «Мое время» представляется превосходным образцом лирического эссе на остроактуальные темы, образцом социально-философской публицистики, демонстрирующим немало авторских находок. Например, это пассаж из первого эссе, где меняется оптика, и поэт рассматривается из иного ракурса, с точки зрения его ботинок: «Ещё немного, и поэт принесёт домой ветер и снег на подошве ботинок. Дома его ждут: стул, стол, кровать, много вещей, за которыми тщательно законсервирована пустота. Один ботинок останется в коридоре. Другой - пройдёт вместе с поэтом до зала, а может и зайдёт в сам зал, снимется под столом. И ещё долго будет находиться там, наблюдая за слово-поток бестелесного, бескровного света души». Одушевление предметов и смена оптики становятся отличным приемом, позволяющим увидеть образ одинокого поэта извне, тогда как в начале эссе он косвенно был представлен «изнутри», с собственной субъективной точки зрения. Это отличный психологический прием. В целом, именно это эссе представляется наиболее удачным, хотя «раздергивать» цикл на составляющие несколько бессмысленно – ведь это единое целое и должно восприниматься именно так.

Стихотворения кажутся своеобразным продолжением цикла эссе, поскольку в них доминирует все тот же мотив безысходности, одиночества и слабой надежды на возможность коммуникации с внешним миром. Сквозь все три стихотворения рефреном проходит мотив бунта против серой окружающей действительности, безликости и конформизма. В каждом из трех стихотворений присутствует одна и та же система образов: «Я» (лирическая героиня), «Ты» (ее визави, к которому она обращается). Складывается ощущение, что героиня живет в некоем вакууме, который она пытается преодолеть с помощью личной коммуникации с близким по духу существом, другом и любимым в одном лице, – но коммуникация обречена на провал и отношения оборачиваются антагонизмом, соперничеством, соревнованием, принципиальным «несхождением». Этот антагонизм присутствует в каждом из трех стихотворений, выстраивая контрастные ряды образов.

В первом случае это антагонизм между свободой и ограниченностью, между верой и безверием, своим и чужим. Он воплощается в столкновении финалов каждой строфы, в которых звучит слово «вера», «верить»: «И забываешь верить. / В меня» (1-я строфа), «И говорят: "Нет веры / В том, чего не сказал» (2-я строфа), «Я не забуду верить. В своих» (3-я строфа), «Ты забываешь верить - / Но я дышу». Чужой мир, навязываемый тем самым «Ты» – это мир «масок от лицемерья», мир «неуют», «система вывихов челюстных». Лирическая героиня сознательно противопоставляет себя этому миру: «Нет, я не стану взрослой куклой на чердаке, И не смогу быть сносной - ниточкою в клубке». Тем самым, сюжет приобретает и приватный, интимный «окрас», связанный с любовной тематикой, и в то же время выходит в некое философское, смысложизненное измерение, где речь идет о конфликте потребительских ценностей с нонконформизмом.

Во втором стихотворении антагонизм более отчетлив: друг с другом сталкиваются мир города и «книжных стопок», олицетворяемый лирической героиней –

филологической барышней накануне сессии, и мир природы, «соснового чуда», персонифицированный в «Ты». И вновь сюжет обретает как приватное измерение (любовный конфликт), так и универсальное, философское. Складывается банальный лирический сюжет: филологическая барышня ждет зимних каникул, чтобы вырваться из города к соснам и своему возлюбленному, снова стать счастливым «мы», но внутреннее «Я» не дает подобного шанса, уверяя, что нужно сдать сессию, вырасти и т.п. Этот диалог с внутренним «Я» в финале даже напоминает строки из катулловского «Кажется мне богоравным...»: «От безделья ты, Катулл, страдаешь, от безделья бесишься так сильно, От безделья много царств и царей счастливых погибло». Так же, как и в стихотворении Катулла, мы видим разлад в душе героини, раскол, конфликт разума и чувства, в котором пока побеждает разум. В то же время универсальное измерение ставит перед читателем извечный вопрос конфликта цивилизации и природы, сиюминутного «здесь» и вечно «всегда». Налицо очевидное романтическое двоемирие: стремление к идеалу и невозможность его осуществления. Некоторые поэтические находки радуют особо: «Я хочу к тому, из чего ты новый / Приезжаешь в вечность, и руки к кнопкам / Тянутся написать живое»; «Не видать нам закат лиловый / Над озерцом. Нам машинных пробок / Насыпает день по карманам будней».

В третьем стихотворении антагонизм – между прошлым и настоящим, между счастливым временем до расставания и после. Здесь на поверхности – любовная линия, собственно ей и ограничивается проблематика, поэтому с содержательной точки зрения, на мой субъективный взгляд, это стихотворение несколько слабей, хотя и здесь немало творческих находок: «Мы с тобою были друзьями сотню иль тысячу лет / Назад. А теперь, мы - сотрудники по несчастьям. / Это такая немислимая сопричастность, Неудачно-вытянутый проигрышный билет»; «Ты красив и молод, строен и неудачлив, / Я такая же ненавязчивая доброта и строгость. / Если хочешь - останься сегодня мальчик - / Хочешь музыкой в голове, если хочешь - в гости». В целом, стихотворения и эссеистическая проза данного автора выполнена на весьма высоком уровне, что говорит о внушительном творческом потенциале, которому несколько не мешает филологическое образование, хотя нередко бывает наоборот.

Работа № 3.

5 стихотворений – 8 баллов

Стихотворения данного автора с очевидностью говорят о том, что перед нами любовная женская поэзия, написанная филологом – этим объясняются и интонации «навзрыд», и ощутимые ахматовско-цветаевские реминисценции (даже в ритме – особенно первого стихотворения), и любовная тематика (за исключением последних двух стихотворений). В первом стихотворении (наиболее интересном, с моей точки зрения), удачно выбран размер и строфика: четырехстопный ямб с усеченной четвертой строфой (двустопной). Каждая строфа заканчивается «твердой» точкой, расставляющей акценты и создающей ощущение предрешенности, запрограммированности исхода. Практически в каждой строке кроются поэтические находки: «И одиночество в гортани / - Как вода»; «И трепет голубей и снега / Раскрошит мысли белым хлебом / От станций вечности и века / До выси неба»; «Транжиры времени и слова / В подножьях счастья». Конечно, стихотворение не избавлено от романтических штампов – «лун», «кораблей», «парящих птиц» и т.п. Некоторые строфы кажутся затертыми до банальности, с точки зрения сюжетной ситуации: «Пустынных улиц ожиданье / Двоих людей, летящих вниз. / Лишь холод лиц, и расставанья, / Машинный визг». Последняя строфа также «смазывает» впечатление, но это известная проблема многих поэтов. В целом, стихотворение представляется довольно интересным текстом. Менее удачны второе и третье стихотворения, в которых обыгрывается та же лирическая сюжетная ситуация: «Где найти мне такое средство, чтобы сразу и навсегда / Выбить разом все чувства из сердца. Или просто о них не знать». Здесь и рифмы более банальны и менее «аккуратны»: «разум чист / не пеклись»; «да

навсегда / не создавать». Здесь больше «затасканных» романтических штампов: «вкус морей, что в глазах застыл»; «Уничтожить звериный оскал, / Чтоб не знать огнедышащей боли»; «хладен нрав» и т.п. Больше стилизованных огрехов и неудач: «устав, не спавши, танцую в окнах», «На этом строить мир не довольно», «И как пчела вдруг в ладонь ужалит, / Ты понимаешь, что вы не жили». В то же время и здесь немало интересных, хотя и несколько эксцентричных находок. Например, «Таких не просят о возвращении, / В таких ты падаешь, как в сугробы. / К таким хотелось бы - отвращенье, / Но привыкаешь до крышки гроба»; «И ждёшь так верно. Как кукла Вуду - / Убита пальцами кукловода» и др. В последних двух стихотворениях затрагивается тема поэта и поэзии, правда, в стихотворении «Джולי Роджер» она не очень ясна, как и «поколенческие» метафоры автора (может, просто автор ошибся, поставив над стихотворением указание на данную тему). В стихотворении «Молодым» поэтам создается в очередной раз на страницах литературы создается образ «проклятого поэта», поэта труженика, в котором угадывается аллюзия к «тоннам словесной руды» Маяковского: «Мы новы и по факту: / Нам бы жаться в своих мирках / К стенам, выдумывать такты, / И работая на кирках». Однако все стихотворение «напичкано» ляпами и несуразницами поэтического характера: например, рифма «много / от него» во второй строфе; «Мы таланты, в этом / И есть чистота или скрыта / Живость поэта» и т.п. Стихотворение выглядит очень неровным, небрежным, хотя. Быть может, это оттого, что оно писалось «кровью сердца»? В целом, при всей неравноценности представленных произведений, в них угадывается неплохой потенциал.

Работа № 4.

8 стихотворений, одно эссе. Оценка – 9 баллов.

Стихотворения этого автора написаны на любимую тему молодежи – несчастная любовь. При этом автору удается не скатываться в банальные рассуждения и слезоточивые монологи на эту тему. Поражает легкость, с которой автор выражает свои эмоции в рифмах – и легкость самих эмоций, и легкость рифм и легкость метра. Иногда стихотворения становятся похожи на речитатив, на рэп – отсюда «ломаный» метр, необязательный и относительный, условные совпадения рифм: «рассветы перечеркивают серые дни, / холодные утра, / в которых из крепкого только кофе. /и /все хорошо вроде/ всегда успокоит во внутриличностном диалоге». «Все представляю, как ты ешь, / Молчишь, Дышишь. / Читаю тебя вслух... / Ты слышишь? / Ты всегда так безумно пишешь. / Я даже вижу, как ты наливаешь себе чай, / Утоляя внутреннюю печаль. Ты вспоминай меня.. хоть изредка, невзначай! / Скучай по мне, умоляю, скучай!» При этом автору удается сделать немало интересных открытий: «У тебя в каждом кармане по зажигалке и сигарете, / Отмороженные пальцы на холоде, / А у меня 300 дней гололеда и бреда, / И ладони, которые некому греть»; «Они говорят, что совсем другая жизнь на крыше, / И там вовсе не Карлсон, а много одиноких людей. / Там нет несчастливых дней / И каждое утро самый лучший закат и рассвет»; «Процентная доля тебя у меня в крови / давно зашкалила за допустимые рамки. / в этом городе, где плюс ноль и дожди, / уже опустели от любящих пар старые парки». Возможно, эти стихотворения уйдут из жизни автора так же легко, как пришли, но если их потенциал не будет потерян, если он разовьется, то эта легкость, возможно, станет в дальнейшем полновесней. Что касается прозаического наброска, он, как это ни странно (в большинстве случаев – наоборот), не уступает по уровню стихотворениям. Проза отличается удивительным лиризмом, выражающемся в повторах, дискретности строк и фраз и т.п. Перед нами зарисовка из жизни, момент, запечатленный кистью импрессиониста, нечто легкое, непостоянное, что вот-вот растает. В очень простых фразах кроется глубина и тонкость наблюдения, умение видеть в обыденных вещах поэзию. Сами интонации напоминают лучшие монологи из спектаклей Е. Гришковца. «И вот так едешь по утреннему городу и думаешь: какой там к черту Париж/Питер, когда тут на половине улиц оставлено по тысячной доли твоего сердца/твоей души. И понимаешь: все, что нужно – это свобода, этот город и ты. И как

назло, «ты» в этом списке – самое нереальное». Не хватает только иронии и запанибратско-душещипательного «братцы», но здесь этого не нужно. Тут чистый, незамутненный лиризм важнее.

Работа № 5.

Эссе. Оценка – 6 баллов.

Сложно оценивать этот текст как литературный: перед нами лингвистическая зарисовка на тему фоносематики, выдержанная в духе ложных этимологий проф. Чудинова и сатирика Задорнова. В то же время, текст имеет свою рамку (повествование о том, как автору во время чтения романа К. Гамсуна «Пан» вдруг пришло откровение и как голос с небес велел герою двигать руками и чертить звуки – аллюзии к брюсовскому «Фиолетовые руки / На эмалевой стене / Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине»). Символистский «след» явно ощутим в этом эссе на эзотерическую тему, чувствуется и неосознанное влияние джойсовской идеи «эпифании». Однако до вершин обобщений автор не поднимается, и остается вопрос: а быть может, это просто «шутка», стеб? Но вопрос не получает ответа. Стихи, а мой взгляд К. Алмазову удаются значительно лучше.

Экспертная оценка С.А. Питиной

1-9 баллов, лермонтовское одиночество, местами очень хорошо передано, самоирония импонирует, у автора свой стиль.

2-7, настроение безысходности передано хорошо, но слишком тоскливо.

3-7, наивно и трогательно, некоторые строки очень удачно получились, но только некоторые.

4-8, трогательные орфографические ошибки, девичья тема и эгоцентризм, очень искренние, но знакомые строчки и самолюбование.

5-8, нормально, кроме надоевшего Задорнова в начале. Явно подражание, но вполне приличное.

Я бы всех отметила за смелость.

Экспертная оценка Е.В. Шелестюк

1.

Константин Алмазов

Стихи гармоничны, пронизаны философскими мотивами, иронией и самоиронией.

Отлично используется архетипика, символизм. Попытка соединения философского, религиозного и повседневного в сознании.

2.

Лека Егорова («Мое время» и другие эссе и стихи)

«Мое время» оригинально раскрывается диалектики материи и духа. «Формула одиночества» – попытка разобраться в мироустройстве, исполненная социального пафоса (хотя вывод неверен ☺, ибо общественное бытие определяет сознание, но бытие меняется, а дети – гарант того, что в том счастливом будущем на нашей земле будут люди). «Голод» - (10+!!!) настоящее гражданское эссе, исполненное гуманистическим пафосом, в лучших традициях русской и советской литературы.

3.

Почти канонически выстроенная лирика. Стихи хороши, но проза (документально-публицистическая), на мой взгляд, интереснее.

4.

Юлия Бурдина

В стихах привлекает запоминающаяся образность, яркая метафорика. «8 утра»: тонко передана атмосфера раннего морозного утра и состояние сознания в такое утро. «Когда кто-то из ее знакомых...» - любопытный жизненный сюжет с философским выводом.

5.

Константин Алмазов

«О звуко сочетаниях русского языка» – несомненно, интересный этюд о магии звука.

Суммарные оценки

Автор	Название	К.Р.	С.П.	А.П.	Е.Ш.	Итоговая
Константин Алмазов	А может быть, зеркало смотрит в тебя	8	9	10	9	36
	Допустим, ты тоже...	7	9	10	10	36
	То ли холм...	6	9	10	9	34
	Последняя нечисть ушла...	5	9	10	10	34
	Звезда словно маятник...	3	9	10	10	32
Лека Егорова	Мое время.	9	7	10	10+	36
	«Здесь ещё есть люди, здесь до сих пор живут!..»	7	7	10	10	34
	«Камни, обвалы, озеро, лес сосновый...»	9	7	10	10	36
	7.01.12. Помнишь?	6	7	10	10	33
Лека Егорова (стихи)	«Пустынных улиц ожиданье...»	6	7	8	10	31
	Где найти мне такое средство...	5	7	8	9	30
	Камни в горле	3	7	8	9	27
	Джолли Роджер	3	7	8	9	27
	Молодым поэтам	3	7	8	10	28
Юлия Бурдина	«Я устала от глупых вопросов...»	5	8	9	7	29
	«Давай, взглянем правде в глаза?..»	3	8	9	7	27

	«Бывает, что музыка...»	2	8	9	7	26
	«Восемь утра. Субботнее утро...»	6	8	9	8	31
	«Я бы набила твои стихи себе на спину...»	2	8	9	7	26
	«Осень окаменелой поступью отбивает мне сотенные шаги...»	2	8	9	7	26
	«День Всех Влюбленных – это всего лишь 23 дня до нашей встречи...»	2	8	9	7	26
	«Он приходит, и она становится невыносимо дерзкой...»	3	8	9	7	27
	«Когда кто-то из ее знакомых собирал вещи...»	7	8	9	8	32
Константин Алмазов	О звукосочетаниях русского языка	4	8	6	10	28